

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА РОССИЯН. ОТ ГЕРМЕТИЗАЦИИ И КОЛОНИЗАЦИИ К АДАПТАЦИИ

И.Б. ПРЖИЛЕНСКАЯ

Модернизационные процессы в современной России оказали радикальное воздействие на сознание людей, на их намерения и действия, на их самоидентификацию, и это воздействие на сегодняшний день мало исследовано. Отношение к происходящему, во многом переменчивое и неопределенное, породило настоящий кризис в сфере ценностей и самосознания, внесло неопределенность в ход социокультурного процесса. Потребность в понимании происходящего возникает не только в исследовательских кругах обществоведов, но и в сознании широких слоев российской общественности.

Несмотря на то, что по ряду позиций российский тип ментальности всегда уживался с западным, в условиях адаптации к новой ситуации люди опирались на те качества личности, которые передаются из поколения в поколение в виде ценностных установок. Душевность, доверчивость, ум, жизнерадостность, щедрость, честность, трудолюбие – такие черты легли в основу стратегий выживания, хотя имеют ярко выраженную архаическую окраску.

Свое исследование мы назвали *«Социальное самочувствие россиян в условиях институциональных и ценностных изменений»*. В рамках этого исследования, проводившегося автором настоящей статьи в августе 2007 г. методом анкетирования (выборка квотная), было опрошено 1082 человека. На вопрос о том, как им удалось адаптироваться в условиях распада Советского Союза, 21,4% опрошенных ответили, что пережили эти времена достаточно хорошо, 43,1% респондентов посчитали, что устроили свою жизнь не так хорошо, как хотелось бы, а 20,1%, от всех попавших в выборку, совсем не удалось приспособиться. Преодолевать трудности, связанные с адаптацией, за счет своих собственных сил и ресурсов готовы только 13,7% респондентов, 43,2% посчитали, что смогут решить свои проблемы только при условии помощи со стороны власти. Самое, пожалуй, интересное – то, что 26,8% опрошенных не уверены в том, что готовы к активным действиям при любых условиях. Эти количественные показатели оценки собственной успешности свидетельствуют о том, что в современном российском обществе еще не до конца сформировались механизмы активного освоения действительности.

Такая ситуация проявляется в типах поведения аутсайдерского характера. За этим просматривается общая тенденция «плыть по течению» или «идти, куда кривая выведет». Но как показывает жизненная практика, такой способ освоения нового социального пространства сужает спектр возможностей, предоставляемых модернизацией, поэтому проблема социальной адаптации, по всей видимости, еще долго будет тормозить процессы структурных и социокультурных трансформаций в современной России.

Когда сегодня описывают изменения, произошедшие в социальном мире за последние десятилетия, то, согласно исходному аналитическому противопоставлению *объективного* и *субъективного*, в качестве объективных выделяют изменения в политической, правовой, экономической системах, в институциональном строе, численности населения, территориальные и геополитические потери. К разряду изменений в сфере субъективного причисляют отношения к произошедшему со стороны индивидов, в которых соединяются рациональное и эмоциональное, перспективное и ретроспективное, дискурсивное и архетипическое. Если объективные изменения мы оцениваем в терминах политической, правовой и экономической теории, опираясь на эмпирические показатели, соизмеряя успехи и неудачи преобразований с эталонными, то перемены в области субъективного могут рассматриваться как эволюция общественного или индивидуального сознания, культуры, психологии, ментальности. И в психологии, и в сознании, и в культуре как бы отражаются, оцениваются и осмысливаются происходящие перемены. При этом они принимаются или отторгаются, находят отклик или наталкиваются на сопротивление. Но, в любом случае, какова бы ни была реакция на происходящие во внешней системе технологические, экономические или административные перемены, эта реакция происходит по законам сознания, культуры, психологии.

Психологические особенности, ментальность, культурный опыт — важные человеческие характеристики, объясняющие многое в действиях индивидов и жизни обществ. Но в философии и социологии XX в. была открыта еще одна «стихия», управляющая человеческой субъективностью и оказывающая самое непосредственное влияние на жизнь общества. Речь идет о жизненном мире как вместилище значений и смыслов, которые служат основанием повседневной жизни, регулируют действия и поступки людей. Прояснение характера влияния социальных трансформаций на повседневный жизненный мир россиян, а также анализ механизмов формирования новых социальных установок относительно тех фоновых ожиданий, которые создает ситуация в российском социуме, требуют иных исследовательских подходов.

Основным качеством жизненного мира, воспринимаемого людьми как общий, имеющий одинаковое значение для всех, является интерсубъективность, базис которой формируют речевые практики.

Используя идеи взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантностей, объединенные А. Шюцем в общий тезис о взаимозаменяемости перспектив, мы признаем, что акторы действуют и понимают друг друга так, будто заранее уверены в совпадении критериев оценки событий. Исходя из этого, можно заключить, что жизненный мир как вмещище повседневных практик является само собой разумеющимся фоном, фрагменты которого актуализируются по мере необходимости.

Ю. Хабермас полагал, что символические структуры жизненного мира, являющиеся результатом коммуникативного действия, под влиянием рационализации как основного требования любой модернизации, утрачивают свои коммуникативные свойства. Такое состояние жизненного мира немецкий теоретик определил как его *колонизацию социальной системой*. Несмотря на то, что своими корнями социальная система уходит в жизненный мир, ее структуры (семья, государство, экономика и т.д.) по мере их рационализации отдаляются от него и начинают осуществлять внешний контроль над ним. Это приводит к нарушению целостности социальной реальности, основанной на институциональных типах поведения, понятных для всех членов социальной группы. Для рационализации всех сфер социального действия и взаимодействия должны сложиться необходимые условия не только на уровне системы, но и на уровне жизненного мира. Не осознание того, что так жить нельзя, может стать причиной перемен, а появление новых социальных компетенций и формирование новых типов межиндивидуального взаимодействия.

В процессе активной трансформации систем, структур, институтов и ценностей жизненный мир россиян подвергся колонизирующему влиянию вновь возникающих и по-новому формализованных отношений, действий и взаимодействий. Колонизация жизненного мира россиян системой привела к рассогласованию целей, ценностей и жизненных стратегий и сделала невозможным следование им в повседневной социальной деятельности. Ответом на системную колонизацию со стороны жизненного мира россиян явилась его герметизация и разрушение систем релевантностей, приведшее к фрагментации символического универсума, к распаду интересубъективной целостности на отдельные замкнутые в себе комплексы значений, характеризующие отдельные сферы социального опыта, но фактически не связанные между собой.

Таким образом, мы сталкиваемся с серьезной проблемой объективной оценки и достоверного анализа российской социальной реальности. Феноменологический подход становится именно той социетальной парадигмой, которая позволяет наиболее полно рассмотреть трансформирующуюся социальную реальность, зафиксировать формы и границы, в которых социально-структурные изменения и эволюция жизненного мира россиян оказывают взаимное влияние. Иными словами,

мы можем проследить, как ситуация структурного перелома влияет на индивидуальные судьбы, жизненные стратегии и перспективы успешной коммуникации в рамках социума и как в сознании индивидуумов формируются «островки» нового смыслообразования.

Качественный анализ приближает социолога к объекту исследования настолько, что он оказывается в ситуации включенного наблюдателя, но действующего более осмысленно в силу решения прежде всего научных, а не практических проблем. Когда социальные изменения происходят достаточно быстро и интенсивно, исследование приобретает актуальность в пределах сравнительно небольшого промежутка времени. Исследование личных биографий становится источником информации для осмысления источников и механизмов социальных трансформаций, а также для выявления модернизационных характеристик взаимодействия общества и личности. Материалы биографий позволяют проводить анализ субъективных факторов социальных изменений через формирующие их мотивы, установки, события, изменения в сознании и ценностных ориентациях. Использование метода нарративного интервью дает возможность выявить взаимовлияние структурных изменений и индивидуальных жизненных траекторий в сфере социальной коммуникации.

П. Бурдьё отмечал, что биография, как и автобиография, представляет собой общепринятую форму самопрезентации, своего рода удостоверения личности. Линейность в изложении фактов определяется ориентацией на социальный запрос, диктуемый социальной ситуацией. Траектория, состоящая из точек, соответствующих знаковым моментам на каждом временном отрезке жизни, определяется мотивами к достижению искомого социального статуса, а также способами и ресурсами его достижения. В биографических повествованиях респондентов переломными точками стало их нахождение в переходной позиции, возникшей как реакция на общую растерянность при нарушении жизненной траектории.

В проведенном исследовании мы проанализировали интервью с людьми, имеющими высшее образование, работающими в тех отраслях, которые называются бюджетными и в силу этого являются депрессивными (образование, медицина, культура, наука, техника). Среди наших респондентов: преподаватели высших учебных заведений, врачи, работающие в муниципальных лечебных учреждениях, бывшие военнослужащие, сотрудники некоммерческих организаций — десять мужчин и десять женщин в возрасте от 43 до 50 лет.

Основная наша задача состояла в выборе ракурса рассмотрения проблемы через ситуации и поступки людей, переживших резкое и вынужденное изменение своего социального положения. Таким образом, референтную группу составили те представители среднего (условно) класса, чье становление, как в профессиональном, так и в жизненном плане совпало по времени с пиком социальных трансформаций.

Пройдя вместе со всеми сложный путь обретения новой идентичности, они смогли добиться стабильного положения в таких сферах жизнедеятельности, как работа, семья, карьера, круг общения и т.д. В результате своей жизненной активности они смогли устроиться на более интересную работу и получать большие доходы, завести нужные связи, удачно устроить детей, улучшить жилищные условия, защитить диссертации, сделать дорогостоящие приобретения и пр.

Можно предположить, что жизненный мир представителей этой группы респондентов менялся в соответствии с постоянным процессом внутреннего «вопрошания» о том, что такое жизненный успех: достижение высокого уровня материальной обеспеченности и власти или возможность самореализации и получения высокой оценки со стороны окружающих и самооценки. Несмотря на разрыв между уровнем официальных зарплат и прожиточным минимумом — фактически официальный сдвиг в разряд депривационных групп, представители этого слоя населения обладают достаточно высоким статусом в обществе, основой которого выступает высокий уровень образования и профессионализм, творческий потенциал и ценностные установки. При этом каждый представитель этого социального слоя находит свой, оригинальный способ преодоления этих противоречий, не изменяя своим принципам. Глубиной сутью этого является формирование новых повседневных рутинных практик, реализация жизненных стратегий, имеющих целью поддержание социокультурных образцов, необходимых для стабильного, поступательного развития социума.

Социологическая интерпретация понятия «стратегия» подразумевает ценностно-ориентационные установки субъектов на достижение определенных целей. Она осуществляется в конкретной ситуации или последовательности ситуаций. Направленность и способы реализации стратегий должны приводить к закреплению тех или иных тенденций в формировании смысловых структур жизненного мира.

Структура предлагаемого нами интервью включала следующие темы:

- прошлое (выбор профессии, получение образования, начало трудовой деятельности, материальное положение до и после реформ);
- переход (что помогло пережить трудный период; чем помогли друзья, близкие, государственные организации; в чем состояли собственные заслуги и какие личностные качества позволили преодолеть трудности перехода);
- настоящее (как изменилось отношение к своему месту в жизни, к профессии, к условиям жизни в целом; каковы были источники поддержки: семья, друзья, коллеги, государство, религия, хобби; какие усилия предпринимаются для изменения своего положения);
- будущее (реальный образ будущего и оценка перспектив; сущность ожиданий и представлений о своем близком будущем).

Кризисная ситуация в стране стала толчком к переосмыслению респондентами своего положения в общественной структуре и к поискам новых ориентиров и способов их корректирования. Если мы обратимся к оценке важности различных сфер жизнедеятельности индивида (они же одновременно являются и сферами организации жизненного мира), то на основе высказываний респондентов их можно расположить в следующем порядке: работа, семья, карьера, образование, досуг, круг общения.

Важную роль в выборе ориентиров и средств их достижения в сложившейся ситуации играли обстоятельства выбора профессии и значимости ее в судьбе. Для большинства респондентов выбор профессии не был случайным.

...с детства мечтала о профессии врача, хотя непосредственно перед поступлением в медицинский институт уже понимала, что больших денег мне эта профессия не сулит. Правда, родители говорили, что хороший врач всегда себя прокормит. Что такое «прокормит», представлялось смутно, в основном, как впечатления от рассказов Чехова о земских врачах, и как средство достижения материальных благ не вдохновляло... (интервью 3).

У большинства респондентов профессиональные карьеры выстраивались, исходя из обстоятельств. В этих случаях индивиды сами инициировали формирование сильной профессиональной идентичности, а она, в свою очередь, становилась фактором влияния на выработку жизненной стратегии и стратегии преодоления маргинальности. Те, кто осознанно выбирал будущую профессию, выказывали глубокую заинтересованность в содержании своей деятельности. Особенно ярко демонстрировали это представители творческих профессий или профессий, связанных с научно-преподавательской сферой.

...когда начались реформы, многие ушли в челноки, в магазины... я не могла преодолеть себя и забросить музыку. Обожаю свою работу. Всегда иду на занятия как на праздник... как концертирующий музыкант я, конечно, не смогла реализовать себя (дети, муж), но как педагог я, по-моему, вполне состоялась. Муж часто надо мной подсмеивается, намекая, что если бы не его заработки, то пришлось бы мне разделить участь многих моих коллег. Наверное, он прав, только я не могу себе представить себя в ином качестве... (интервью 5).

Для многих из наших респондентов внушаемые родителями установки по поводу самореализации как неперемennого условия будущей успешной жизни, стали основанием для постоянного поиска ресурсов. Как правило, в таких семьях родители длительное время (если не всю жизнь) оказывают детям всяческую поддержку, в том числе материальную. Это стало своего рода сословной традицией. Ориентация на творческую самореализацию (интересная работа, реализация творческих способностей) — это не просто вербальная установка. Она отражается

в инструментальных ценностях и реализуется в поведенческих моделях респондентов.

...Мои родители всегда с особым уважением относились к людям, занимающимся творчеством и наукой. Сами они не смогли защитить диссертаций или заняться чем-либо, помимо основной профессии, но мне внушали, что надо обязательно стремиться к этому. До сих пор я все делаю с мыслью о том, какая реакция на это будет со стороны моих родных. Хотел бы я стать таким стимулом для своих детей... (интервью 8).

При анализе высказываний, относящихся к такой сфере жизни, как семья, дом, уют выясняется, что именно воспитание детей становится основным местом приложения жизненных усилий респондентов. В основном прослеживается желание подготовить своих детей к сложностям окружающего их мира и в то же время стремление воспитать «хорошего честного человека». Все респонденты в той или иной мере говорят о копировании родительских методов в воспитании своих собственных детей. Практически все вспоминают о том, что их родители старались дать им все самое лучшее, что было в их силах. В большинстве своем, не имея большого материального достатка, они всегда выделяли средства на образовательные цели и на поддержание физического здоровья детей.

...Родители воспитывали меня строго. Однако я всегда знала, что это необходимо. Правила, установленные в семье, всегда были понятны нам прежде всего потому, что они не расходились с поведением родителей. Мы знали, что они честные люди и доброжелательно настроены по отношению к окружающим. Я всегда знала, что единственной платой за их заботу обо мне должны быть мои успехи в учебе и хорошее поведение, чтобы окружающие говорили обо мне хорошо. Я никогда не боялась их, но мне становилось неприятно от одной мысли о том, что они перестанут меня уважать за те или иные проступки. Они были для меня примером того, как можно без обмана и подлости достичь успеха и уважения, исключительно за счет упорного труда и оптимизма. Я стараюсь воспитывать своих детей также, хотя понимаю, что время другое... (интервью 1).

Таким образом шло формирование определенных взглядов на то, что такое доброта и честность с одной стороны и деловитость, стойкость, умение постоять за себя — с другой. Чаще всего примером служил образ жизни семьи.

...Я, наверное, не был оригинален, когда полушутя упрекал родителей в том, что они мало били меня или не научили быть нахалом... А если говорить серьезно, то очень им за это благодарен... не хочу, чтобы мне говорили в лицо комплименты, а за глаза поливали грязью... (интервью 4).

Практически во всех повествованиях при соотнесении своей судьбы с общим кризисом в стране ситуация оценивалась как изменение «правил игры», в которую заставили играть все население. Первой реакцией на изменившиеся условия существования были растерянность и страх

перед неизвестностью, которые постепенно сменились поисками возможностей приспособиться к новым обстоятельствам. Эти поиски постепенно стали сменяться нормализацией положения, что позволило, в конце концов, вернуться к прежним жизненным планам и выстраиванию жизненной траектории в соответствии с новыми установками.

...Вначале металась из стороны в сторону. Устраивалась на новое место, но долго не задерживалась... место в банке было привлекательным по многим причинам, но то, чем я там занималась, было непривычным для меня и поэтому не очень нравилось. Постепенно втянулась, поняла специфику... Теперь я уже не представляю себе иного... (интервью 10).

Поиски способов адаптации к новым условиям через подработки, мелкую торговлю, кустарное производство, огородничество, почти у всех респондентов вызывали ощущение раздвоенности, ненужности того, чем они занимаются в основной для себя сфере деятельности.

...У нас в НИИ зарплаты всегда были небольшие, особенно у молодых специалистов. Если бы не возможность получить квартиру от ведомства, может быть, я там долго бы не задержалась. А тут еще грянуло сокращение штатов, и вдруг вообще стали платить зарплату с перебоями и не в полном объеме. Тут было о чем задуматься. С мужем я к тому времени уже развелась, и двое маленьких детей фактически были на мне. Стала искать подработку, как и многие другие, но уйти из института насовсем не решалась. Многие ударились в торговлю, а я и не пыталась, потому что знала, что не смогу, не то у меня воспитание. Да и то, чем я занималась в институте, мне нравилось и у меня получалось... (интервью 6).

Ситуация растерянности первых перестроечных лет у всех рассказывающих о себе респондентов постепенно стала сменяться переоценкой содержания многих повседневных практик. Выработка позиций по отношению к дальнейшим перспективам своего жизненного пути формировалась годами. У многих возникло ощущение перемен к лучшему за счет обретения определенной свободы выбора и разнообразия возможностей.

Сформированная в годы, предшествовавшие реформам, профессиональная идентичность во многом определяла приемлемость тех или иных вариантов разрешения проблем материального характера. Практически все респонденты, говоря о том, чего им не хватает для полного удовлетворения жизнью после реформ, отмечали, что им не хватает материального достатка.

...Никогда не думал, что деньги будут основной целью моего существования. Если бы мне тогда (20 лет назад) сказали, что я столько своих интеллектуальных усилий буду направлять на придумывание способов и схем заработать на жизнь, я бы не поверил... иногда даже страшно подумать о том, что можешь остаться без гроша. Наши родители в этом смысле были более счастливы. Они думали о более высоких «материях»... (интервью 7).

Формирование новых контуров смысловых структур повседневного жизненного мира связано с выстраиванием новых социально-культурных позиций. Деятельность людей, попавших в обусловленные кризисом переходного периода маргинальные зоны, направлена прежде всего на реконструкцию ресурсной базы. К наиболее значимым ресурсам стоит отнести уровень профессионализма, в широком смысле понимаемый как навыки, умения, мастерство, которые могут быть гибко трансформированы в соответствии с условиями решаемой индивидом проблемы. Шансы на выживание в любых обстоятельствах получают те, кто имеет достаточно востребованную профессию. Однако в тех случаях, когда профессия перестает приносить доход или теряет свою актуальность, возникает необходимость поиска новых профессиональных ресурсов, вплоть до создания своих собственных ниш. При этом в качестве ресурса может быть использовано то, что уже потеряло свою значимость (прежняя должность), но может быть конвертировано в новую, более выгодную позицию. Это могут быть как высокий уровень профессионализма, дополнительные умения, так и способность мобилизовать скрытые источники преобразования своего положения (широкий кругозор, эрудиция, организаторские способности, репутация и т.д.).

...Когда нам сообщили, что будет сокращение нашего отдела, шока я не испытал, потому что все к тому и шло. Я уже настраивался на то, что придется менять многое в своей жизни. С одной стороны, было страшно, а с другой — возникло ощущение того, что у меня появился шанс обрести то, что может стать делом всей жизни, тем более, что я время зря не терял и упорно осваивал те вещи, которые впоследствии стали фундаментом моей нынешней деятельности... позднее я обнаружил, что мое прежнее место работы и занимаемая там должность служат как бы визитной карточкой в последующей карьере везде, где бы я ни оказался... (интервью 2).

Расширение сферы основной деятельности, овладение новыми навыками и знаниями позволяют одновременно прикладывать свои усилия в разных местах и обеспечивать себя материальными средствами, дающими возможность вести «приличный» образ жизни. В данном случае имеет место стратегия длительного формирования нового социального положения. Интересными представляются высказывания бывшего военного, уволенного в запас в связи с программой сокращения вооруженных сил и не успевшего еще дослужиться до высших офицерских чинов.

...То, что произошло со мной, не было из ряда вон выходящим. У меня хотя бы специальность была инженерно-техническая, а каково другим? Из армии списался, ни кола, ни двора, двое маленьких детей, оба с женой без работы. Стали жить у родителей. Они, конечно, с пониманием отнеслись к нашей ситуации, но ведь они тоже не миллионеры... хватался за любую работу, пришлось вспомнить то, чего не знал... По-

степенно все стало налаживаться. Увлёкся компьютерами, мне как инженеру было не сложно разобраться во всех тонкостях этого дела. Освоил программирование. Стал понемногу преподавать информатику и все, что связано с компьютерами... Помогли, конечно, раскрутиться старые друзья и сослуживцы. Жаль, что не все смогли устроиться после всех этих жизненных катаклизмов... Наверное, я нашел то, чего не нашли другие. А самое главное — я сумел этим правильно воспользоваться... (интервью 4).

Этот респондент, как практически и все остальные, упоминает о моральной поддержке и конкретной материальной помощи родственников, друзей, знакомых, коллег и т.д. Это характеризует еще один значимый вид стратегических ресурсов в условиях кризисной адаптации. Такого рода социальные связи — отличительная черта российского общества. Эта поддержка выступает важным звеном в формировании новых смыслов повседневных практик, особенно при отсутствии или бездействии соответствующих институтов, призванных обеспечивать механизмы адаптации.

...я не знаю, что было бы со мной, если бы не поддержка жены. Она, как «декабристка», терпела все кошмары того времени... Мои родители, ее родители, все помогали нам, чем и как могли... друзья давали в долг без процентов, хотя сами не были богаты... (интервью 4).

Такую поддержку со стороны первичной социальной группы можно рассматривать как фон, который создает благоприятные условия для «пролонгированного» процесса формирования стратегии и организации ресурсов. В некоторых интервью упоминаются оставшиеся от «прежних времен» материальные ресурсы: квартира, дача, машина. Они представляют собой специфический потенциал поддержания более или менее приемлемого уровня жизни за счет их экстенсивного использования (сдача внаем, такси и т.д.).

...В начале всей перестроечной чехарды очень выручали «запасы» от старой жизни: одежда, посуда, мебель, кое-какая бытовая техника, машина. Экономили на всем. Деньги в основном шли на питание. Старались ребенка кормить разнообразно, а себя ограничивали... (интервью 9).

Как показывает практика, такая самоорганизация ресурсов является основой реализации успешных жизненных стратегий. Здесь можно говорить о проблематизации и реинституализации тех моделей действий, сохраняющихся в мышлении, которые позволяют «старому» жизненному миру россиян относительно успешно сохранять (поддерживать) старые структуры, что, возможно, проявляется в архаизации отдельных сфер жизни социума и параллельном формировании новых, способных преодолеть влияние факторов, вызывающих «герметизацию» смысловых структур жизненного мира и делающих невозможными коммуникацию.

Анализ примеров выстраивания жизненных стратегий на основе материальных, профессиональных, социальных и прочих ресурсов при-

вел к выявлению специфического элемента этого процесса, дающего основание для преобразования имеющегося потенциала в новые возможности. Речь идет о личностно-психологических качествах индивида. Несмотря на то, что этот элемент формирования стратегий не всегда отчетливо рефлексировался в рассказах респондентов, ему также можно приписать свойства ресурса для достижения целей.

Когда я начинал свою трудовую деятельность в одной из проектных организаций, я старался все задания начальства выполнять как можно скорее и лучше. «Старожилы» подсмеивались и говорили мне открыто, что это — не благо для меня, потому что меня будут нагружать еще большими объемами работы... ну, не получалось у меня растягивать на месяц то, что можно сделать за три дня. Впоследствии, когда стали меняться условия, эти качества мне очень помогли... (интервью 7).

...перепихивание пациентов друг на друга в стационарах (больницах) дело обычное. Никто не хочет брать ответственность за тяжелые случаи. Я брался за все без разбора, потому что было интересно попробовать себя в разных ситуациях... ведь кто-то должен помочь больному... сейчас чувствую себя очень уверенно в качестве специалиста... никогда не жду благодарности, лечить людей — это мой профессиональный долг. Мои пациенты меня не забывают... (интервью 9).

Активность, лидерство, самостоятельность, ответственность, адаптируемость, коммуникабельность, надежность, работоспособность и т.д. — именно те качества, которые присущи части населения, стремящейся активно обустроить свою жизнь. Они характеризуют способность адаптироваться к любым условиям.

Другим ресурсом этого типа можно назвать умение четко формулировать задачи и определять планы действий при достижении поставленных целей.

...необходимо было стать кандидатом наук. Об аспирантуре и речи не шло: возраст, семья, низкая зарплата. Конкуренция подстегивала, поэтому стал искать любую возможность, чтобы прикрепиться соискателем... Работал в трех местах, а ночами и по выходным сидел с диссертацией. Приходилось на ходу усваивать то, что другие узнавали постепенно... Я точно знал, чего хочу... (интервью 8).

Таким образом, анализ интервью показывает, что в кризисных условиях в формировании новых смысловых структур повседневного опыта первостепенную роль играют многоплановые ресурсы, гибкие относительно ситуации. С позиций феноменологии можно сказать, что такие ресурсы содержатся в системе социального знания, которая, однажды достигнув «уровня относительно автономного смыслового подуниверсума, может оказывать обратное воздействие на общность, продуктом которой она является»¹. Иными словами, проблемы, возникающие в обществе, приобщают носителей индивидуального сознания к новому виду социального знания, который не только позволит им оценивать

ситуацию со своей *особой* точки зрения, но и изменять свою социальную деятельность в соответствии с новыми перспективами. Бергер и Лукман указывают, что такое отделение «социального знания от его экзистенциальных источников» происходит под влиянием «целого ряда исторических переменных», таких как настоятельность вовлеченных в этот процесс социальных интересов, степень сложности рассматриваемого знания, его социальная релевантность и т.д. «Весьма важен... принцип, согласно которому взаимосвязь между знанием и его социальной основой является диалектической; это означает, что знание — социальный продукт и *фактор социального изменения*»².

Уверенность в том, что объективированный мир является продуктом социального производства, позволяет анализировать конкретные смысловые «подуниверсумы», несмотря на то, что в современном мире их число продолжает множиться. Они становятся «герметически закрытыми», т.е. практически недоступными для неспециалистов. Проблемы, связанные с их легитимацией обнаруживаются тогда, когда возникает необходимость передавать новому поколению институциональный порядок или осваивать новые социальные среды. В процессе легитимации происходит объяснение, почему мы поступаем определенным образом в определенных ситуациях и как возникают эти ситуации. Однако «темпы изменения институтов и подуниверсумов различны. Это затрудняет как всеохватывающую легитимацию институционального порядка, так и специфические легитимации отдельных институтов и подуниверсумов»³.

Исходя из вышеизложенного, можно признать, что культура, воспроизводящаяся в течение длительного периода поколениями россиян в условиях социализма, все еще оказывает влияние на их поведение в новых условиях. Показатели преодоления жизненных трудностей в рамках нашего исследования были зафиксированы через описание конкретных форм адаптивного поведения, а также через субъективные оценки достигнутого успеха. Успех может быть определен как «фиксация такого состояния, когда преобладание относительно положительных оценок позволяет людям ощущать определенную устойчивость в отношениях с внешней средой»⁴. Способы поведения, формирующие новые перспективные социальные позиции, зависят от внешних условий и личностных качеств индивидов. Главным содержанием этих процессов является формирование в повседневных практиках оснований для нормального, стабильно развивающегося общества. Проблема состоит в том, насколько реальны возможности (ресурсы) для реализации этих тенденций в деятельности людей, смысловые структуры повседневного жизненного мира которых оказались «колонизированы» маргинальными установками и мотивациями. По всей видимости, основной проблемой российской социальной модернизации явилось отсутствие общественно одобряемых успешных моделей поведения

индивидов, что и привело к созданию ими собственных механизмов формирования новой системы социальных ценностей.

Анализ биографических повествований дает основания утверждать, что жизненный мир россиян изменился как структурно, так и содержательно. Условия реализации базисных ценностей стали значительно более важными, нежели прежде, ибо появился выбор не только между ценностями, но и между жизненными стратегиями их достижения. Стратегическая рациональность уже в полной мере обрела свое влияние на жизнь россиян и их жизненный мир. Поиск компромиссов между действиями, совершаемыми в соответствии с неформальными и официальными правилами, формирует новую культуру повседневных практик, постепенно входящую в общественные представления о модели поведения, соответствующей новым типам социального взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – С. 142.

² Там же. – С. 143.

³ Там же. – С. 145.

⁴ Попова И.П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. – М.: Наука, 2004. – С. 181.

Аннотация

В статье исследуются процессы трансформации социального жизненного мира россиян, выявляется их направленность, содержание, факторы и тенденции последнего десятилетия. Анализ преобразования социального жизненного мира россиян в условиях социальных трансформаций базируется на результатах собственных эмпирических исследований, прежде всего биографических полуструктурированных интервью.

Ключевые слова: социальный жизненный мир, биографическое интервью, адаптация, социальные трансформации.

Summary

The article investigates the processes of transformation of Russians social life-world reveals their focus, content, factors, tendency of the last decade. Analysis of the transformation of social life-world of Russians bases on the results of empirical studies, especially of the deep biographical interviews.

Keywords: social life-world, biographical interviews, adaptation function, the social transformation.